

Хоружая Светлана Владимировна

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории и политологии
Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина

Khoruzhaya Svetlana Vladimirovna

D.Phil., Professor,
History and Political Science Department,
Kuban State Agrarian University

Салчинкина Ангелина Ростиславовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и политологии
Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина

Salchinkina Angelina Rostislavovna

PhD in History,
Assistant Professor,
History and Political Science Department,
Kuban State Agrarian University

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНТИНОМИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ГОДЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

THE ARCHETYPAL GROUNDS OF FRIEND-OR-FOE ANTINOMY DURING THE CAUCASIAN WAR

Аннотация:

В статье рассматриваются особенности бинарной оппозиции «свой – чужой», сформировавшейся в сознании казачества в период боевых действий на Кавказе в XIX в. Первостепенное значение для исследования поставленной проблемы имели казачьи фольклорные произведения, в которых отразились стереотипы и универсалии массового сознания. В основе поляризации мира по измерению «свой – чужой» лежали базовые архетипы «космос» и «хаос». После обработки сознанием под воздействием конкретных исторических ситуаций архетипы получают конкретную форму в виде архетипических образов. В статье показано, как в условиях Кавказской войны 1817–1864 гг. в сознании казачества горцы, будучи представителями противоположной, «чужой» стороны, наделялись такими негативными качествами, как безнравственность, иноверство и варварство. Развязка противостояния «свой – чужой» предполагала либо вытеснение, либо уничтожение противника.

Ключевые слова:

архетип, архетипический образ, «свой – чужой», линейное и черноморское казачество, горцы, казачий фольклор, Кавказская война.

Summary:

The article discusses the features of the binary friend-or-foe opposition formed in the minds of the Cossacks in the hostilities in the Caucasus region in XIX century. Cossack folklore works, which reflected the stereotypes and the collective consciousness universals, were of primary importance for the study of this problem. The basic “cosmos” and “chaos” archetypes were the basis of the polarization of the world concerning friend-or-foe direction. After processing by consciousness archetypes got a specific form of archetypal images under the influence of particular historical situations. The article shows how during the Caucasian War of 1817–1864 the Highlanders being the opposition and foe were endowed with such negative features as immorality, heterodoxy and barbarism in the Cossacks' minds. The denouement of friend-or-foe confrontation involved either displacement or destruction of the enemy.

Keywords:

archetype, archetypal image, friend-or-foe, Linear and Black Sea Cossacks, Highlanders, Cossack folklore, Caucasian War.

Термин «архетип», восходящий к философии древнегреческого мыслителя Платона и получивший развитие в аналитической психологии швейцарского исследователя Карла Густава Юнга, занял ключевые позиции в современных социогуманитарных науках. Несмотря на то что в настоящее время общепринятой дефиниции понятия «архетип» не существует, чаще всего под ним понимают универсальные врожденные психические структуры, составляющие основу коллективного бессознательного и являющиеся фундаментом общечеловеческой символики.

В аналитической психологии К.Г. Юнга архетипы и архетипические образы различаются [1]. Архетип – это неизменяемое ценностно-смысловое ядро-матрица, первичное представление о мире, которое существует априорно [2, с. 178] и проявляется, как правило, в образах. Архетипические образы разнообразны, и их содержание зависит от конкретно-исторических и этнокультурных условий.

Одними из древнейших архетипов считаются архетипы «космоса» и «хаоса», где «космос» отождествляется со светом, созиданием и добром, а «хаос» – с тьмой, разрушением и злом. Их противостояние приводит к оттеснению «хаоса» на периферию общего мира. Космогоническая антиномия «космос – хаос» заложена в систему опознавания «свой – чужой» и передается из поколения в поколение, особо активизируясь в экстремальных условиях войны.

В 1817 г. началась Кавказская война, в которой особая роль отводилась казачеству. Будучи специфическим военно-служилым сословием, черноморские и линейные казаки были обязаны

защищать Кавказскую оборонительную линию, растянувшуюся от устья Терека до устья Кубани. В XIX в. на Кавказе обычной повседневностью стали постоянные стычки с многочисленными горскими народами. Коллективные представления о противнике в рамках бинарной оппозиции «свой – чужой» прежде всего зафиксированы в казачьем фольклоре.

Со времен первобытного общества территория племени мыслилась как «свое» пространство и противопоставлялась всему «чужому», которое расценивалось как потенциально опасное и враждебное. Как уже отмечалось, уходящий корнями в древнейшие представления «исходный архетип», активизируясь, воплощается в архетипических образах, которые зависят от конкретной исторической ситуации. В XIX в. на создание архетипического образа «свой – чужой» в среде линейного и черноморского казачества оказывали влияние как события общероссийского масштаба, так и действия региональных процессов. В сознании казаков сформировалось представление о собственном социокультурном единстве, обособленном от всего внешнего мира. Представители этого пространства были «своими», обитающие за его пределами – «чужими». За границами казачьего мира оказались не только противники Российской империи в Кавказской войне – горцы, но также офицеры и солдаты Отдельного Кавказского корпуса. Несмотря на профессиональную и национальную общность, казачество противопоставляло себя «москалям», что отразилось в пословичных текстах: «Меньше москалей – меньше лаптей» [3, с. 337–338].

Негативный архетипический образ горца как «чужого» складывался из признаков, которые в сознании казаков были чуждыми для их этнокультурной группы. Можно выделить три основных признака: отсутствие нравственности (противнику приписывались такие человеческие слабости, как жестокость, коварство, обман, потребность в постоянном воровстве и разбое); иноверство (враг как сторонник «чужого Бога» представлялся носителем «тьмы» и «зла», следовательно, с духовно-нравственной точки зрения победа над противником оценивалась как сакральная победа «Света» над «Тьмой»); варварство (мир противника рассматривался как «дикий», «нецивилизованный», т. е. внесистемный, и считался объектом цивилизаторских трансформаций).

В исторических песнях казачества отчетливо просматривается антитеза «свой – чужой», в которой все «свое» воспринималось положительно, а «чужое» – негативно. Данная бинарная оппозиция породила в сознании казаков символические цветовые ассоциации «белого» и «черного». «Белое» символизировало благое дело, верность, традицию корпоративности, культ предков, а также божественный свет, поэтому в фольклоре казачество представлялось не только «храбрым», «славным», но и «светлым», «белым». Через цветовую классификацию передавался и особый статус российского императора как отца и защитника православной веры. В казачьих военно-исторических песнях монарх наделялся такими эпитетами, как «православный государь» и «Белый царь»: «Да расплакались молодые казаченьки, / Перед Белым царем стоячи. / – Да ты батюшка наш, надежда-царь, / Православный ты наш государь» [4, с. 89].

Насколько светлым полагается образ «своей» группы, настолько же пугающим и мрачным выглядит образ представителя «чужого» пространства. Традиционно «черное» является символом темного и неизвестного, которое приносит несчастье, разрушение и смерть [5, с. 90–93]. При этом образ «чужого» соединяет отрицательные признаки со сверхъестественными, иницирующими страх. Поэтому в казачьем фольклоре при описании горцев использовались такие эпитеты, как «темный», «горский злодей», «саранча»: «За нас мать наша Россия / Молит Бога завсегда, / Нам от горского злодея / Нет покоя никогда» [6, с. 73].

В XIX в. одной из главных проблем во взаимоотношениях между казаками и горцами стали регулярные набеги последних на станицы и кордонные укрепления. Неожиданные нападения грозили разорением и гибелью, угоном скота и уничтожением нажитого имущества: «Басурманин, враг лукавый, / Вздумал с нами пошутить. / Окруживши все заставы, / Ну нас голодом морить» [7, с. 71].

Традиционно в основе представления о способности «чужих» приносить зло лежит идея об их связи с «чужим Богом» и темными силами. В казачьем фольклоре оппозиция «свой – чужой» также приобрела этноконфессиональный оттенок, тем самым подчеркивая различие между горцами и казаками в вероисповедании. Православию как одному из доминирующих признаков казачества посвящались многочисленные пословицы: «Як казак народывся, сатана зажурывся», «На тэ казак народывся, шоб Богу и царю сгодывся» [8, с. 339]. В свою очередь в народном творчестве казаков понятия «горцы – нехристи – басурмане» идентифицированы. В сказках кубанского казачества «злыдни» (черти), будучи представителями нечистой силы, облачены в «басурманское платье» [9, с. 29].

В процессе межнациональных контактов сталкиваются различные системы нравственных норм, обычаев и традиций. Превосходство «своей» культуры считается естественным и не требующим доказательств. В свою очередь уничижительное отношение к «чужой» культуре основывается на идее о ее «странности», «нецивилизованности». Казаки показывали свое превосходство над горцами даже в быту, оскорбительно называя черкесов «голомшивцами», указывая на «плешивость и нечистоплотность их голов» [10, с. 8, 16].

Для того чтобы выжить на «своей» территории, необходимо одержать победу над «чужими». Чем более опасен и многочисленен враг, тем мощнее мотивация антитезы «свой – чужой». В казачьих военно-исторических песнях в отношении горцев часто употреблялся эпитет «басурманская орда», тем самым подчеркивается значительное количество противника. В неравных условиях победа казаков объяснялась не только их боевым превосходством, но и божьей помощью.

В условиях угрозы поглощения «своего» мира областью «чужого» насилие признавалось единственным средством разрешения кризиса. Посему в казачьем фольклоре четко прослеживается идея, что борьба с противником должна закончиться либо насильственным изгнанием («Коли хотите, миритесь, / Мы вам землю отведем» [11, с. 11]), либо полным уничтожением врага («Мы поедем, ли пойдём / Всех бандитов чеченских перебьем» [12, с. 94]).

В целом, будучи содержанием коллективного бессознательного, все архетипы присущи любому человеку. В конкретный исторический период активизируются лишь те, которые востребованы в сложившейся ситуации. Антиномия «свой – чужой», имеющая в своей основе архетипы «космос» и «хаос», является базисным параметром категоризации мира, сохраняя свое значение на протяжении столетий. В годы Кавказской войны 1817–1864 гг. в сознании черноморских и линейных казаков сформировался устойчивый негативный образ горца как представителя «чужой», противоположной группы. «Ядром» этнического портрета жителей Кавказа в период боевых действий XIX в. стали такие отрицательные качества, как потребность в кражах и разбоях, коварство, жестокость, варварство. Религиозные представления православного казачества определили горца как иноверца, «нехристя», неверного своему слову «басурманина».

Ссылки:

1. Jung C.G., Kerényi C. Four archetypes. Princeton, 1959.
2. Юнг К.Г. Избранное / пер. с нем. Е.Б. Глушак, Г.А. Бутузов, М.А. Собуцкий, О.О. Чистяков ; отв. ред. С.Л. Удовик. Минск, 1998.
3. Волкострел Т.М. Пословицы и поговорки Кубани (исторический и этнический аспекты) // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002.
4. Бигдай А.Д. Песни кубанских казаков. Т. 2. Песни линейных казаков. Краснодар, 1995.
5. Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
6. Бигдай А.Д. Указ. соч. С. 73.
7. Там же. С. 71.
8. Волкострел Т.М. Указ. соч. С. 339.
9. Алмазов Б. Казачьи сказки. СПб., 1996.
10. Вишневецкий Н.И. Сотник Горбатко и его сподвижники. М., 1899.
11. Бигдай А.Д. Указ. соч. С. 11.
12. Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи. Этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. Краснодар, 2002.